

Надежда Севостьянова

Я не знаю...

Надежда Севостьянова

Я не знаю...

«Издательские решения»

Севостьянова Н.

Я не знаю... / Н. Севостьянова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961583-1

Книга, предназначенная и посвященная молодежи, рассказывает о необыкновенных похождениях немного чудаковатого парня, который пытается докопаться до сути фантастических событий, происходящих с ним, и решающим образом главные вопросы жизни и философии бытия.

ISBN 978-5-44-961583-1

© Севостьянова Н.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Я не знаю...

Надежда Севостьянова

посвящается Шади и Амиру

© Надежда Севостьянова, 2019

ISBN 978-5-4496-1583-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Если вы за логикой, то это не ко мне...

У меня появилась маленькая стеклянная штука. Не понимаю, откуда она взялась и, главное, для чего она нужна. Но она мне очень нравилась. Я решил показать ее остальным жителям деревни. Когда все собрались, как обычно, за большущим квадратным столом, покрытым клетчатой скатертью и сервированным к завтраку, я поставил мою стеклянную штучку поближе к середине стола, чтобы всем было видно.

Первой откликнулась Глафирия: «Что это такое?» – спросила она и ее черные глазки засверкали. «Не знаю» – ответил я, мне понравилось, что она так живо заинтересовалась моей штучкой. «Как не знаешь? Да ведь в нее поместится сто порций мочи.» Тут она внезапно схватилась за низ живота и выскочила из-за стола. Ее муж, Жером, который сидел рядом со мной, повернулся ко мне и тихо, как обычно, сказал: " Побежала в туалет, теперь с ней это часто. Она невыносима, ты знаешь, у нее есть любовник. Чтобы она его не бросила, я делаю ей каждый день укол, ну ты понимаешь. Но у него есть побочный эффект. Сначала она очень мучилась, потом привыкла, а теперь ей это нравится...» – И тут он сказал: " Сколько людей погибло из-за поднявшейся со дна морского ядовитой пены, погубившей любовь.»

Я ничего не понял, но остро почувствовал, что должен это записать срочно. И вообще, что я буду писать. Я схватил со стола салфетку и стал, не помню, чем, записывать эту строку. Салфетка была рыхлой, как промокашка, буквы расплывались.

Я побежал домой и решил писать книгу. Начало есть, думал я – это самое главное. Потом пойдет как по маслу. Но главное, чтобы никто не знал, что я пишу. Для меня это было принципиально.

Прибежав домой, я заперся на щеколду и сел к столу, но оказывается вместе со мной в дом успел заскочить кто-то еще. Я заметил мальчишку, который спрятался за шкафом. Я подошел, схватил его за ухо и с силой вытащил из дома. На небольшой поляне перед домом стоял большой прямоугольный стол, за которым сидели штук двенадцать мальчишек. Я подошел поближе – они все были очень похожи друг на друга, как братья.

Среди них был и тот, которого я выставил за дверь. В одинаковых коротких штанишках с бретельками, в белых рубашечках, нарядные. Тот, которого я прогнал, сказал: " Мы ничего не сделали», – и из глаз его потекли слезы. «Понимаешь, – сказал я и почувствовал, что мои глаза тоже наполнились слезами, – я пишу книгу и очень не хочу, чтобы кто-то видел, что я написал». – «Но ведь ее все равно потом прочтут», – резонно возразил он. «Потом – пусть, но не сейчас.»

Я вернулся домой и сел писать, но дальше первой строки пока не шло. Время текло и я подумал, может этим и ограничиться. В конце концов от многих книг в памяти остается лишь первая строка.

Тут я заметил, что по столу скользит тонкая, нежная девичья рука – и прямо к моему листку. Не раздумывая, я схватил руку за запястье и с силой потянул на себя, из-под стола возникла девичья фигура – это была Флоренсия, девушка, которую я любил. Она хотела украсть мою рукопись. Обхватив двумя руками ее горло, я прижал ее к столу и стал изо всей силы душить (непонятная ярость волной поднялась во мне). Я все сильнее сжимал руки на ее горле. Она захрипела и забилась подо мной. И тут раздался истошный крик: «Роберт!!!». Я на секунду опешил и разжал руки. Оказалось, что это кричу я, но почему-то женским голосом. Флоренсия вырвалась и убежала. Я погнался за ней, но не догнал, зато на улице я столкнулся с Зигфридом. Он довольно давно уехал из деревни. Но часто навещал нас. Как всегда он привез с собой штук

двадцать девушек разной наружности и друга, которого, впрочем, он не удосужился никому представить.

Зигфрид первым делом посетил могилу дочери. На нашем деревенском кладбище у него был самый большой участок. Рядом с довольно невыразительным памятником располагалась детская гостиная, где были установлены, как будто сделанный из пряника, большой розовый с белым стол, такие же пряничные кресла и диван. Как-то я спросил его, для чего все это. «Как ты не понимаешь, – ответил он. – У меня же есть еще одна дочь, она будет навещать умершую сестру и будет здесь играть.» – «Но она ведь не всегда будет маленькой, она вырастет и перестанет играть.» – «Ну... у нее появится своя дочь, у той – своя. В семье всегда найдется девочка, которая захочет поиграть на кладбище».

В этот день я уже больше не сел за стол. Вечером я отправился в наш деревенский клуб с моей стеклянной штукой. Там уже был и Зигфрид со своими девушками. Они плясали как засвтаные, «дым стоял коромыслом.» Я сел у стенки и рядом поставил мою стекляшку.

Вдруг из толпы танцующих вылетел в мою сторону бильярдный шар, он чуть-чуть не попал в мою стеклянную штуку, ударившись в стену рядом с моей головой, он упал на пол, от него откололся кусок. Я схватил шар и отправил его обратно в толпу. Кажется, я попал кому-то в голову, но криков не было – только глухой стук упавшего тела.

«Я знаю, кто все это оплатил, – сказал я шепотом соседу. – Это Зиг...», – я не успел договорить, потому что увидел не соседа. Между нами каким-то непостижимым образом оказался друг Зигфрида, который очень внимательно и даже как будто печально слушал меня. Мне захотелось убежать. Я ринулся в пляшущую толпу, схватил первую попавшуюся девушку и, танцуя, стал продвигаться к выходу. Вытянув ее из клуба, я остановился отдышаться и, наконец, разглядел ее. Она была некрасива, но прекрасна. «Зачем ты таскаешься за Зигфридом? Твое место на подиуме. Если бы у тебя было больше ума, ты бы это давно поняла.»

– Я не могу ходить по подиуму – у меня нет ноги.

Я опешил: «А – это?»

– Это – искусственная.

– Но ведь не отличишь. – я вспомнил, как мы с ней танцевали, – ей богу, я ничего такого не заметил.

– Ты знаешь как ходят модели? Ступня перед ступней, как по канату. Я так не могу.– И, действительно, она попыталась пройти как по канату, но шла очень обыкновенно- нога мешала.

– А разве нельзя ходить просто, как в жизни.

– Как в жизни – это никому не интересно. – Я подумал, что она права – как в жизни – это все умеют. Мне стало жаль ее.

Вдруг я вспомнил, что оставил свою стеклянную штуковину в клубе. Я помчался туда. На моем стуле уже сидел другой человек. Это был Зигмунд- наш библиотекарь. В руках он держал мою штуку и внимательно ее разглядывал.

«Отдай, – крикнул я, – это моё!» – «Я знаю, – ответил Зигмунд, —

я смотрю и думаю, на что эта штука может согдиться?» – «Не напрягайся. Уже есть один вариант. В нее оказывается можно мочу собирать.» – «Не... ет, – протянул Зигмунд. – Из нее получится хорошая подпорка для книг. Тяжеленькая.» -Зигмунд покачал мою штучку на ладони.

Когда Зигмунда спрашивали, хороша та или иная книга, он отвечал: " Прочитаешь – узнаешь.» Сначала все думали, что у него просто дурной нрав. Но постепенно все поняли, что Зигмунд не прочитал ни одной книги из тех, что он выдавал. Позднее возникло подозрение, что он вообще не умеет читать. Никто никогда не видел Зигмунда читающим не то что книгу или газету, он не читал даже объявления. Стал он библиотекарем по протекции своего дяди, бывшего до него библиотекарем очень толковым и грамотным. Когда он предложил своего

племянника, ему доверились и вот что вышло. Я часто брал у него почитать исторические книги.

В детстве я не любил историю. Ведь она всегда про мертвецов. Она о людях, которых уже нет на свете. Умерли все – никто не спасся. Копаться в их делах мне было как-то жутковато. Но после того, как я похоронил маму, я перестал бояться мертвых. Даже наоборот, именно их прошедшая реальная жизнь начала меня интересовать. Выдумки мне стало читать не интересно.

Но раз умерли все, значит и я должен когда-нибудь уйти в никуда. Я это понимал, но иногда меня посещала мысль: " А может быть я исключение. Может я не умру. Может только я и существую. И все, что меня окружает: природа, люди, страны, политики, машины, ракеты, спортсмены, ученые, кинозвезды, планеты существуют только потому, что есть я. Но когда я их не вижу, их и нет. Друг мне рассказывал о дальних странах, где он побывал и жил. Но может он все врёт и там ничего нет. И его нет, когда я его не вижу. И все это появится, только если я сам отправлюсь туда.

Я пытался представить, что, например, в данный момент делает английская королева или принц Уэльский. Может он в носу ковыряет. По крайней мере он должен это делать, как все нормальные люди. Но убедиться в этом не было никакой возможности. Конечно, его могут показать по телевизору, но ведь телевизор – это иллюзия. Да и принца, ковыряющего в носу, по нему ни за что не покажут. У нас в деревне почти у всех есть телевизор, но его никто не смотрит. Для развлечения мы используем деревенский театр.

Режиссером театра был сразу выбран трактирщик Густав. Он считается у нас знатным человеческой породы. Разливая по кружкам спиртное, он наблюдает человеческое нутро во всех его вариантах. Сюжет для него не важен, главное – характеры. Его главный постулат – положительный герой только тот, который не нарушает ни одной заповеди. На них он помешан. Не убий, не укради, не лжесвидетельствуй и т. д.

На первой репетиции пьесы «Гамлет» он разродился трехчасовой речью по поводу того, кто же в этой пьесе положительный герой. Жаль, что нет заповеди: «Не разглагольствуй!»

Конечно, ни Офелия, ни король с королевой, ни Гильденстерн с Розенкранцем и, тем более, ни Гамлет таковыми не являются. Как говорится нарушили всё, что только можно. Тут тебе и убийство, и прелюбодеяние, и самоубийство. По мнению трактирщика выходило, что единственный положительный герой – это Полоний. Заботливый отец, пекущийся о воспитании сына и о счастье дочери. Не даром же Офелия так убивалась. Разглагольствуя в таком духе, он вконец запутал актеров, но в результате все сыграли очень хорошо. Злодеев играть легче. Злых людей на свете меньше, чем добрых, значит и типажей не так много. Особенно удались две роли – Гамлета и Полония. Первый маскировался под героя, пока не дошло до преступления, тут он раскрылся во всей своей злобной красе. Полоний же – наоборот, казался поначалу суетливым и недалеким персонажем, но потом открывался с самой лучшей стороны, особенно в сцене смерти. Но самым гениальным был финал пьесы. По опустевшему замку бродила Тень Полония, пугая успевших одичать кошек. За него и отомстить-то было некому. Впрочем кошек изображали только голосами: в деревне у нас почти в каждом доме есть кошки. Но среди них не нашлось ни одной способной.

Я вырвал у Зигмунда мою стеклянную штуку и отправился домой. Спать не хотелось, я думал о Флоренсии. С тех пор, как я чуть не задушил её, она стала мне еще дороже. Я решил ей подарить мою стеклянную прелесть.

Вдруг я понял, что голос, которым я закричал, когда душил Флоренсию, был мамин голос. Мамочка! До сих пор мне не дает покоя одна история, связанная с ней.

Однажды я подходил к дому и вдруг почувствовал неладное: не видно было никого из соседей. Казалось, все попрятались. Неожиданно из окон соседнего дома выскочили двое здоровяков и помчались за мной. Я побежал изо всех сил к дому и добежав до входной двери,

стал барабанить в неё и кричать: «Мама! Открой!» Сзади я уже слышал топот. Тут дверь распахнулась – на пороге стояла матушка. Я проскользнул в щель между ней и косяком, но прежде, чем дверь захлопнулась, один из бандитов успел полоснуть маму по горлу ножом.

От перенесенных потрясений я впал в беспамятство. Когда очнулся, стал звать маму. Она вошла и спросила: «Проснулся, сынок?» На шее у неё я заметил шрам, уже еле заметный. Сколько же я был не в себе? – " Ты проспал целый день. Мы не стали тебя будить». – " А как же бандиты, это ведь они порезали тебе горло! " – «Это не бандиты, а врачи. Мне вырезали щитовидную железу, разве ты не помнишь?» – ласково сказала мама и поцеловала меня в лоб. В раздумьях об этом удивительном случае я задремал.

Из нашего деревенского морга исчезло три трупа. Я узнал об этом на следующее утро, включив радио. Как всегда новости сообщила Гонория своим противным, как бы придушенным голосом. Она протараторила, что в морге сторож Исидор под утро не досчитался трех покойников. Бесплезно было спрашивать у Гонории об источнике ее информации, она его и сама не знала.

Впрочем, покойников было всего трое, хотя скорее целых трое. Деревушка у нас не очень большая – сразу три покойника – это редкость.

Гонория – женщина необыкновенной красоты, хотя для радио это не важно. Но это важно для Балтазара, который заведует радиостанцией. Строча, как из пулемета, Гонория умудрялась четко выговаривать все буквы. А это уже талант. Единственный, кроме Балтазара, кого не раздражал голос Гонории, был ее муж – Варфоломей, здоровенный детина – конюх, обожавший свою жену и побаивающийся её.

Все три покойника были вполне достойными гражданами и умерли своей смертью. Две дамы и господин. Одна из дам – Зариндия, умерла от созерцания. Она разглядывала себя в зеркало. Её муж Прокопий рассказал потом, что она стояла перед зеркалом часа три и вдруг рухнула на пол. Что уж она там увидела неизвестно. Она, конечно, была дама вполне приятной наружности, но ничего выдающегося в её лице не наблюдалось.

Вторая дама, Мартавия, умерла от любви. Это – без сомнения. Её угораздило влюбиться в заезжего фокусника, как говорится, насмерть. Она уже строила на него планы, ей хотелось попутешествовать, но он уехал без нее, к тому же прихватил кое-что из дорогих для неё вещей, кражу она скрыла. Мартавия впала в тоску и через три дня умерла.

Третий – господин Петрушек, умер при всём честном народе в трактире. Поспорил, что выпьет пятнадцать поллитровых кружек пива зараз. Спорили на рыболовный сачок. Но бедняга не дотянул и до девятой. Свалился под стол и отдал богу душу. Как говорится, умер азартно.

Взглянув в окно, я увидел Дональда, нашего шерифа, он подходил к моему дому. Прежде, чем открыть дверь, я взглянул в зеркало и увидел там взлохмаченное, опухшее, с красными глазами свое отражение. Забежав в ванную, я плеснул в лицо холодной воды и промокнул полотенцем. Пригладив волосы и выключив радио, я открыл дверь.

Дональд был моим другом. Он хороший человек, но ему не везло с карьерой. За всю историю Плумберга (так называется наша деревня) здесь не произошло ни одного преступления. Ни одного убийства, ни одной драки, ни одной кражи. Дональд не мог никого даже оштрафовать за сквернословие или за брошенный окурок – в деревне никто не курил.

От отчаяния шериф начал вышивать крестиком. Известно, что это успокаивает нервы. А то он боялся, что не выдержит и сам совершит какое-нибудь злодейство. Он решил компенсировать как бы женскую природу вышивания тематикой вышивок. Все стены в его доме были увешаны вышитыми сценами битв и сражений, рыцарских турниров и рукопашных схваток. Дональд сам водил гостей по дому, в подробностях рассказывая о каждом сюжете вышитой картины. Он был начитан и много знал из истории войн. Здесь также были изображения раз-

личного оружия – от арбалета до «першинга». Дональда постоянно приглашали поучаствовать в выставках, но он всегда отказывался – такая слава была ему не нужна. Но он не гнушался продавать свои работы. У него было трое детей.

Нельзя сказать, что Дональд очень обрадовался, когда произошло это странное исчезновение. Преступление – не преступление, одно недоразумение.

– Что случилось, Дональд? – спросил я.

– Мне нужна твоя помощь.

– Я готов.

– Пойдешь со мной. Будешь записывать все, что услышишь.

Морг располагался на территории деревенской больнички. Открыв дверь в покойницкую, мы увидели сторожа Иссидора, сидевшего на стуле и уставившегося на пустые гробы. Он что-то бормотал, на нем не было ни лица, ни тела.

Дональд осмотрелся. В помещении было одно окно, закрытое на щеколду. Шериф открыл его и посмотрел вниз, трава под окном была примята, здесь определенно кто-то топтался. У входа в морг мы тоже заметили затоптанную дорожку. Но это было естественно.

– Что ты делал этой ночью? – спросил Дональд у сторожа.

– Спал. Я выпил немного грибовицы и уснул, как всегда.

– Какой толк от сторожа, который всю ночь спит.

– Кто же знал, что мертвые окажутся такими живыми.

Иссидор готов был разрыдаться. – «Все наперекосяк. Сегодня должны были состояться похороны, могилы ждут и что теперь делать. Нашему священнику не позавидуешь. Но как они могли покинуть помещение. Двери и окна были заперты изнутри. Ключи я всегда ношу в кармане.»

– Следы есть и под окном и возле двери. Похоже они «разбегались» в разные стороны, – Дональд был в недоумении. – Никогда не видел таких прытких покойников. Заплетень какая-то... Свидетель из тебя плохой. Где бутылка из-под грибовицы?

Иссидор достал из-под стола пустую бутылку.

– Так, ясно! Следовало бы тебя хорошенько наказать и точка!

Иссидор был готов ко всему. У него болела душа, он утратил смысл жизни.

Следующим, кого решил опросить Дональд был муж Зариндии – Прокопий. Зайдя к нему в дом, он застал Прокопия сидящим в кресле-качалке и раскачивающимся. Было похоже, что качался он уже давно. В глазах застыло отчаяние.

– Здравствуй, Прокопий, – начал Дональд как можно мягче, – что ты можешь сказать о Зариндии?

– Ничего.

– Как так!? Ты прожил с ней почти сорок лет и ничего о ней не знаешь?

– Я знаю о ней всё, но ничего не скажу.

– Почему?

– Я боюсь.

– Кого?

– Её!

– Но она же умерла!

– Не уверен, от нее всего можно ожидать. Я не удивлюсь, если выяснится, что она просто сбежала из морга, прихватив этих двоих с собой.

– И куда же она сбежала?

– В лес, конечно, она давно об этом мечтала. Там такие, как она, как у себя дома.

– Какие?

– Дикие!

Дональду захотелось вернуть Прокопия к реальности.

- И всё-таки, хоть что-то о ней ты мог бы сказать? Что она, например, любила кушать?
- Салат из огурцов с клубникой, политый уксусом с добавлением семян люпина.

Дональд понял, что Прокопий не в себе от горя и решил оставить его пока в покое. Он был рад, что у него, наконец, появилось дело. Ему полагалось набросать хоть пару версий этого происшествия. Но у него не было ни одной. Он даже не был уверен, что где бы то ни было был аналогичный случай. Не от чего было оттолкнуться. У него не было ни одного подозреваемого. Нужно было опрашивать всех.

После Прокопия Дональд пошел к Глафирии и Жерому. Нельзя сказать, что в деревне дружили семьями и тесно общались, но все-таки жителям приходилось встречаться на общих мероприятиях и собраниях.

– Знаешь, Дональд, – сказала Глафирия. – Я не хочу плохо говорить о покойной Зариндии, но всем известно, как она мучила своего Прокопия. Вот и сейчас она решила ему навредить.

- Каким образом?
- Как же! Надо хоронить, а её нет. Какой удар для него. Пустая могила! Ужас...!
- Так ты что, тоже думаешь, что она сбежала из морга?
- Сбежала – не сбежала, – не могу сказать, но она была способна на всё.
- Немыслимо, что ты говоришь! – откликнулся Жером.
- Скорее всего, я говорю правду!
- А ты ее знаешь? – спросил Дональд.
- Для того, чтобы говорить правду, не обязательно её знать!
- Кто-то похитил все три тела, только вот зачем? – спросил Жером.
- Заплетень и точка. – сказал обескураженный Дональд, когда мы вышли на улицу. –

Они что, все думают, что покойники сбежали. Конечно, в морге умерший может очнуться. Такие случаи в практике известны, но чтобы сразу трое – это уж слишком. Идем к доктору Карпентусу. В конце концов, он делал заключение о смерти.

Доктор Карпентус был человеком принципиальным. За свою работу он принципиально не брал мзду. Ему платили власти и перед своей совестью он был чист. Когда какой-нибудь больной спрашивал его, сколько он ему должен, он отвечал: «Если я назову сумму, здесь рухнут стены». И этим закрывал тему. Медсестры и весь технический персонал его обожали. Он был прост и доступен в прямом смысле.

В этот день доктор Карпентус был занят аптекарем Мордаличкусием. Тот был единственным пациентом. Мордаличкусий спивался и пока доктору не удавалось остановить этот процесс. Все дело было в имени аптекаря.

В нашей деревне имена для новорожденных выбирали всем миром. Собирались на лужайке, родители приносили младенца и все по очереди его рассматривали. После этого, каждый писал одно имя на бумажке и бросал в сосуд. Потом отец малыша доставал бумажку с именем. Плумбергцы считали, что таким образом ребенка нарекает сама судьба. Когда Мордаличкусий подрос, он пытался угадать, кто мог его так «наградить», но скорее всего этого не помнил уже и сам написавший. Со временем аптекарь успокоился, он решил, что написавший был не трезв, а с пьяного что возьмешь. Одним словом – судьба.

В школе аптекаря конечно дразнили, но он не обижался: в школе у всех есть прозвища. Но когда пришло время жениться, выяснилось, что ни одна девушка не хочет быть женой Мордаличкусия. Личная жизнь не складывалась и он начал пить. Сначала он пил грибовицу, ну а потом перешел на более диковинные напитки, благо в аптеке их хватало. Эффект от этого был необыкновенный. Когда к нему в аптеку заходили девушки и молодые замужние женщины, он, прежде, чем отдать купленное лекарство, скидывал с себя халат и рубашку и начинал демонстрировать мускулы, принимая различные позы. Их он видел по телевизору. Сначала всех это забавляло, но когда он начал обнажаться и ниже пояса, женщины и девушки перестали ходить

в аптеку, они посылали мужчин. Их он побаивался. Когда же в аптеку забредала какая-нибудь слеповатенькая старушка, он моментально скидывал с себя одежду и спасало его только то, что бабушки его жалели и никому не жаловались.

Дела в аптеке шли все хуже. Мордаличкусий пил все крепче и в конце концов доктор Карпентус почти насильно уложил его в больницу. Карпентус очень сочувствовал Мордаличкусию, он считал его коллегой и для него было делом чести спасти его. Он понимал, что одних медикаментов здесь будет недостаточно и решил подключить к лечению женский фактор. Найти невесту аптекарю он считал своей сверхзадачей, но пока результата не было. Можно было, конечно, поменять имя, но в деревне это бесполезно.

– Здравствуйте, доктор, – Дональд очень уважал Карпентуса. – Вы в курсе происшествия? Что вы можете сказать о состоянии покойников?

– В каком смысле? Покойники покоятся.

– Только не эти. Как вы думаете, не мог кто-нибудь из них очнуться?

– Как?!

– Но ведь такое бывает!

– Да бывает, но не в этом случае! Я ведь делал вскрытие, а после такого никто очнуться не может. Неужели вы всерьёз думаете...

– Я не знаю, что думать. Ну скажите, кому могли понадобиться три немолодых трупа.

– А вы организовали розыск?

– А чем я занимаюсь? И потом, где, по-вашему, их нужно искать?

– Скорее всего в лесу. Домой вряд ли кто-нибудь их потащил.

– О!... в нашем лесу можно спрятать не одну сотню трупов. Нет... Здесь нужна собака, так мы их не отыщем.

Мы вышли с Дональдом из больницы.

– Кто у нас в Плумберге держит хорошего пса? – спросил я.

– Как кто!? Магнусен – торговец.

Торговец Магнусен был посредником между деревней и городом. Плумбергцы были очень мастеровиты и Магнусен брал у них всевозможные поделки, произведения прикладного искусства: вышивки Дональда, замечательные заводные часы Гастона, очень искусные бумажные цветы тётушки Катарины, картины из бисера, которыми увлекались девушки Плумберга и многое другое, а также знаменитую грибовицу и земляничное пиво, и вез все это в ближайший город Страховиц в тридцати километрах.

Обычно всё это успешно распродавалось, особенно, грибовица и пиво. Горожанам также нравились часы Гастона. Главным в его часах была не точность хода, в деревне она не нужна: все живут по солнцу, а забавные заводные фигурки, танцующие каждый час перед циферблатом. Однажды Гастону пришлось сделать даже танцующих монашек, но кто их заказал осталось тайной.

Распродав все на рынке, Магнусен покупал нитки для Дональда, шестерёнки и анkers для Гастона, бумагу и бисер для деревенских мастериц. Но самое главное – это продукты, которых не было в деревне. Особенно – овсяную крупу. Он брал пять-семь мешков овсянки. Она была основной пищей жителей Плумберга. Они ели её на завтрак, обед и ужин, варили из неё супы, каши и кисели. Жители деревни были вегетарианцами.

Естественно, что своих гостей они тоже угощали овсянкой, но это был праздничный вариант – овсянка с цукатами. Бедная Мартавия тоже кормила своего фокусника овсянкой. Но долго он этого не выдержал, он не был вегетарианцем и его со страшной силой потянуло на мясо. Однажды утром он исчез, став невольной причиной смерти Мартавии.

Конечно, жители деревни ели кое-что кроме овсянки, у всех были сады и огороды. И к тому же рядом был великолепный Плумбергский лес.

Лес был похож на громадный колонный зал. Прямые, как по линейке, толстые стволы устремлялись высоко вверх и где-то там, на высоте птичьего полета, виднелась густая крона, почти скрывающая небо. Но всё-таки иногда лучи солнца пробивали лес до земли и ложились пятнами на густой, по колено, травяной ковер у подножия деревьев. Трава была ярко изумрудного цвета. Вообще-то, в довольно сумрачном лесу не должно было быть такой густой травы, но она тем не менее была. По-видимому, всё дело было в почве. Здесь было много ягод и грибов. Из грибов, помимо прочего, хозяйки делали грибовицу, единственный крепкий напиток, который здесь употребляли. Варили также земляничное пиво, не такое крепкое, но очень веселящее.

– Кстати, – сказал Дональд, – заодно надо его допросить. Ведь он мог встретить по дороге в город кого-то подозрительного.

В магазинчике Магнусена за прилавком стояла его дочь Евлагния, очень сдобная, хотя она, как и все, была вегетарианкой. Просто она ела столько овсянки, что та не успевала усваиваться и оседала на всех возможных местах. Евлагния была замужем за лесничим Парамоном, который и держал собаку, здорового лохматого пса, который работал, не покладая лап на трех работах: сторожил ночами магазин Магнусена, днем инспектировал с хозяином лес, а также сопровождал Магнусена в его поездках в город. Звали пса Зубариком. Вся деревня знала, что Зубарик – сумасшедшая собака. Он никогда никого не кусал, лаял только на подвыпивших и орущих мужиков. Был также вегетарианцем, ел овсянку, траву и грибы. Сумасшедшим его считали из-за сверхразвитого чувства справедливости. Если кто-то из детей обижал домашнюю живность, Зубарик сажал того под домашний арест на три дня и не помогали ни ходатайство родителей, ни самого Парамона, пёс выпускал из дома всех, кроме провинившегося. Арест заканчивался ровно через три дня.

– Скажи, Евлагния, в последние дни Зубарик не вел себя как-нибудь подозрительно, не был ли ночью, не нервничал?

– С чего бы ему нервничать, Дональд, – громко воскликнула девушка, сверкнув в мою сторону глазами. – Зубарик, слава богу, у нас воспитанный. Не хуже некоторых иных людей. Да и при деле он всё время, некогда ему глупостями заниматься.

– Он нам нужен. Где он сейчас?

– С Парамоном в лесу.

– Вот, кстати, и с Парамоном заодно надо побеседовать.

– Если вы о покойниках, то напрасно. Если бы они убежали в лес, Парамон с Зубариком давно бы их обнаружили. Нет их там.

– И прекрасно, – сказал Дональд, – значит будем искать в другом месте. И прекрати говорить ерунду, покойники не бегают. Где твой отец сейчас?

– В подвале. Пошел за пивом.

– Мы спустимся к нему, заодно надо горло промочить.

Подвал у Магнусена был огромный, ведь это был склад для всего, что требовалось плумбергцам для жизни тела и духа. Магнусен сидел на стуле, наклонившись над пятилитровой бутылкой, из которой цедил пиво.

– Шериф! Я думал, вы навестите меня раньше. Ведь я дружил с Петрушкой.

– Ну и что ты можешь о нем сказать?

– Что он умер. А мертвые не нужны никому. Догадываюсь, что вам нужен наш Зубарик. Он парень головастый, он вам поможет, только без Парамона он не пойдет.

– Конечно с хозяином! Я, честно говоря, собак боюсь.

– Налить вам пива?

– Не откажусь, а ты как, Роберт?

– С удовольствием.

Попивая замечательный напиток, я разглядывал Магнусена. Крепкий мужик, скорее похожий на пахаря, чем на торговца. Пожалуй, он один мог уволочь одного или даже двух мертвецов на себе, но на что они ему... И потом их было трое.

– Когда Парамон вернется? – Дональду не терпелось начать розыск.

– Как только он вернется, я ему всё объясню и пришлю их к вам.

Выйдя из магазина, я спросил Дональда, что будет, если мы не отыщем похищенных.

– Я боюсь об этом думать, ведь тогда меня уволят и жизнь окончательно потеряет смысл.

– ... Это сделал я, – тихо произнес я и положил руку на плечо Дональда. – Я почувствовал, как он вздрогнул.

– Что это? – Дональд напрягся.

– Это я их похитил.

– Зачем?

– Хотел посмотреть, что будет.

– Я скажу тебе, что будет, – он сделал ударение на первом слове. – Сначала ты отведешь меня на место, где ты их спрячешь, потом я посажу тебя под замок, а потом будет народный суд. – Тут он посмотрел на меня как на убогого. – Идиот! Ты думаешь – это смешно?

– Я не шучу!

– Да? И как же ты это сделал? Сложил их в корзинку для пирожков и отнес... Кстати, куда ты их отнес? Как ты открыл дверь? Почему сторож тебя не видел? Видишь, сколько вопросов.

– Я влез через окно. Оно было только прикрыто. Сторож храпел, заглушая даже кваканье лягушек. Ключи лежали на столе. Я открыл дверь и с помощью тачки...

– ... Тачки? – переспросил Дональд. – Где ты взял тачку?

– Во дворе валялась... с её помощью поочередно вывез всех троих в лес.

– Но ведь все окна и дверь были закрыты изнутри.

– Да, я закрыл дверь изнутри, положил ключ на стол. Вылез через окно и, когда прикрывал его, то шпингалет сам упал в затвор... так бывает.

– Да... так бывает, – Дональд, наконец, поверил, что это безумие сотворил я.

– Но зачем?... Зачем?! Впрочем это всё равно. Веди меня немедленно туда, где ты их оставил.

Я повел Дональда в сторону Плумбергского леса. Было еще довольно светло, когда мы, наконец, вышли к тому месту, где я оставил похищенных. Но на месте их не было. Дерево, вокруг ствола которого я их усадил, было, а трупов – не было.

– Вот здесь я их оставил, – сказал я растерянно.

– Ну и где они? – в голосе Дональда послышались угрожающе-насмешливые нотки.

– Не знаю...

– А ты уверен, что это здесь?

– Ну да! Вот отметина на дереве, я сделал её перочинным ножом.

– А где нож?

– Вот он... – хотел сказать я, но не обнаружил его в кармане, моя рука наткнулась только на маленькую стеклянную штучку.

– Тебе не кажется, что шутка затянулась и вообще это кощунство. Мало того, что ты затягиваешь следствие, ты к тому же смеешься над умершими.

Я молчал. Дональд прав – следствие затягивалось. С остальным я был не согласен. Вернее, не совсем. Ведь я собирался вернуть покойников как раз к моменту похорон. Всё было как-то нереально... Единственное, что я ощущал физически, это мою стекляшку. Тут я вспомнил, что собирался подарить её Флоренсии. Я вдруг сорвался с места и помчался к ней домой. Сзади доносился крик Дональда, но слов я не разобрал.

Прибежав к дому Флоренсии, я увидел Феофанию, её мать. Феофания верховодила в доме, но это только в доме. Она была женщина застенчивая. На людях она позволяла сво-

ему мужу покрасоваться. Муж её, Гастон, был душой любой компании, хорошо сложенный – настоящий «первый парень на деревне». Феофания позволяла ему танцевать с другими женщинами, веселиться с дружками. Она только следила, чтобы он не перебрал грибовицы.

Хотя никто и никогда не видел Феофанию беременной, рожала она регулярно. У Флоренсии было уже семь братьев и сестер, а ведь Феофании не было еще и сорока.

– Флоренсия дома? – с ходу выпалил я, не поздоровавшись.

– Флоренсия в огороде собирает клубнику для салата. Зачем она тебе?

– Я хочу жениться на ней.

– Прямо сейчас?

– Да. Вот и свадебный подарок, – я протянул Феофании мою стеклянную штуковину.

– А что это по деревне ходит слух, что вы с Дональдом ищите сбежавших покойников, – спросила она, не обратив внимание на подарок.

– Покойники не бегают.

– Похоже, что эти как раз бегуны.

– Что вы знаете об этом?

– Я – ничего! Мне просто жалко Мартавию. При жизни покоя в душе не было, так и сейчас не дают упокоиться. Иссидора надо судить всем миром. Если у нас начнут воровать покойников, то и умирать-то станет страшно.

В это утро я проснулся поздно. Торопиться мне было некуда. Вчера вечером Дональд, настигнув меня у дома Флоренсии, отвел под конвоем Зубарика, которого он получил в свое полное распоряжение вместе с Парамоном, ко мне домой и посадил под арест. Хоть он не верил в мой рассказ, но у него всё равно не было других подозреваемых. По крайней мере будет, чем отчитаться перед начальством в случае чего. Он взял с меня честное слово, что я не сбегу, но я не собирался сидеть сложа руки, пока поблизости бродят трое покойников, за которых я чувствовал себя ответственным.

В дверь постучали. Это была Флоренсия. Вчера я её не дождался и не успел вручить свадебный подарок. Она была очень кстати.

– Это правда, что говорит Дональд?

– А что он говорит?

– Что ты украл усопших и спрятал их в лесу.

– Да, так и было. – Она повеселела.

– А зачем?

– Хотел посмотреть, что будет. – Флоренсия оживилась еще больше, в глазах появился отчаянный блеск.

– А почему же ты не хочешь их вернуть?

– Их украли! – крикнул я раздраженно. – Понимаешь, их у меня увели, это меня бесит!

– Почему? Ведь ты сам хотел посмотреть, что будет. Это произошло и это потрясающе! Такого еще не бывало. Тот, кто украл их у тебя, тоже хочет посмотреть, что будет. Логично!

– Да, но кто мог знать, куда я их притащу... Это было ночью. Меня никто не видел.

– Значит, видел, ведь результат налицо. Да, кстати, мама сказала, что ты приходил к нам, чтобы на мне жениться. Это правда?

– Сейчас это не имеет значения. Я под домашним арестом. Меня ждет суд и наказание за глумление над мертвыми.

– А вдруг они живы?

– Как ты это себе представляешь?

– Ну... Плумбергский лес и не такое может с людьми сотворить.

– Ты это серьезно?

– Ну как насчет жениться и где твой подарок?

Я достал из кармана стеклянную штуковину и поставил ее на стол. У Флоренсии заблестели глаза. – «Ой, а что это такое?»

– Сам не знаю, но это самое дорогое, что у меня есть, и оно – твое.

– Нет, выходит оно дороже меня, оставь его себе.

Я, конечно, любил Флоренцию, но она меня постоянно раздражала. Хотя это и свидетельствовало о том, что я к ней не равнодушен, но будет ли жизнь с ней счастьем для меня. Может от постоянного раздражения у меня откроется язва или я превращусь в зануду и брюзгу.

– Ну как знаешь, – сказал я обиженно.

– Приходи свататься, когда я буду самым дорогим для тебя, а не эта нелепая стекляшка! – Флоренция упорхнула, я еле успел заметить в дверях кончик её юбки.

Сидеть одному становилось невыносимо, но я никак не мог решить, что предпринять. В конце концов, умыкнуть моих покойников мог кто угодно. В Плумберге уйма народа. Я стал перебирать жителей деревни, вдруг у меня мелькнула мысль: а не тузлуки ли это сделали. С них станется. Они постоянно тащат всё, что плохо лежит. Тузлуки обитали у нас на окраине Плумберга, в доме Корнепулоса. Он и его жена Настерция жили уединенно и считались самой тихой и крепкой парой. Но однажды в один несчастный, по мнению Настерции, день к ним постучался странник, назвавшийся Сурганом. Он попросил воды и спросил, не нужно ли им чего сделать по хозяйству. И хотя Корнепулосу ничего такого не требовалось – он сам имел... нет, не золотые руки (золотыми ничего сделать невозможно), а крепкие и умелые, он проникся симпатией к путнику, пустил его в дом и выслушал его историю. Сурган был из Тузлукии – бедной соседней страны, имел большую семью, но не мог её прокормить, а потому отправился в нашу страну и, к несчастью, набрел на нашу деревню. Больше всех не повезло Корнепулосу. Его дом стоял на отшибе. Для Сургана это, наоборот, было счастливым стечением обстоятельств, поскольку Корнепулос был именно тот, кто был ему нужен. Корнепулос поселил его в доме и помог найти работу. Плумберг приличное поселение и всегда найдется какая-нибудь работа. Осенью, когда стало холодать, Сурган подался к себе на юг, Корнепулос как-то даже заскучал без него, у них было много общих тем для беседы, хотя поначалу Сурган и не все понимал. Его язык очень отличался от нашего. Но постепенно он его настолько хорошо освоил, что мог и без помощи Корнепулоса объясняться с заказчиками.

На следующее лето Сурган «прилетел» с юга обратно в Плумберг к Корнепулосу, да не один – с ним «прилетела стая» его родственников. Похоже, это было единственное его богатство. Их было человек двадцать. Корнепулос поначалу растерялся, не говоря уж о его жене. Но будучи абсолютно незлобивым и гостеприимным человеком, а, главное, очень стеснительным, он не смог отказать этой «шобле» в жилье. И хотя дом у него был не слишком просторным, тузлуки умудрились расположиться в нем, как у себя дома. Спали они в большинстве на полу (не всем хватило кроватей), еду готовили сами и отнюдь не вегетарианскую. От этих запахов Настерцию подчас тошнило, но она не могла перечить мужу, поскольку застенчивым он был только с посторонними, с ней же его реакции были непредсказуемыми, она его побаивалась.

Это все продолжалось до очередного похолодания, когда стая тузлуков дружно снялась с места и улетела к себе на юг. На следующее лето Настерция с ужасом ожидала появления тузлуков, поскольку расставаясь осенью с Сурганом и его бандой, Корнепулос очень тепло с ними простился и взял с них слово, что летом они должны вернуться только к нему и не принимал никаких возражений, впрочем, никто и не собирался ему возражать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.